КИРИЛЛ КОПЫЛОВ

ПЕРВАЯ ВОЙНА ЗА ИРАКСКУЮ НЕФТЬ

МЕСОПОТАМСКИЙ ТЕАТР ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Предисловие Егора Яковлева

Кирилл Копылов

Первая война за иракскую нефть. Месопотамский театр Первой мировой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67775141
Первая война за иракскую нефть. Месопотамский театр Первой мировой: Издательство «Питер»; СПб; 2022
ISBN 978-5-00116-741-9

Аннотация

Книга историка Кирилла Копылова рассказывает о малоизвестных страницах Первой мировой войны: ближневосточном театре военных действий, до сих пор остающемся одной из самых горячих точек планеты.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Вступительное слово 5
Глава I 8
Глава II 29
Глава III 42
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Кирилл Копылов
Первая война за иракскую нефть. Месопотамский театр Первой мировой

© ООО Издательство «Питер», 2022
© Кирилл Копылов, 2022

* * *

Вступительное слово

Что современный российский читатель, пусть даже искренне увлеченный военной историей, знает о Первой мировой войне? Пожалуй, многое. Лучше всего, разумеется, известны события на Восточном фронте. Трудно найти кого-то, кто не слыхал бы об «Атаке мертвецов» в Осовце или Брусиловском прорыве. Не меньше известны и ключевые события на Западном фронте: битва при Сомме или «Бег к морю».

Однако, при всей масштабности и значимости войны 1914–1918 годов, в ней еще осталось немало белых пятен, нашему читателю практически неизвестных. Один из таких пробелов, военные действия на территории Месопотамии, автор и сделал предметом своего исследования.

Кирилл Копылов – давний друг канала «Цифровая история», один из самых ярких представителей своего поколения историков. Наши слушатели и постоянные читатели портала warhead.su прекрасно знают его как вдумчивого и скрупулезного ученого, поэтому я с радостью представляю дебютную книгу Кирилла, ставшую результатом многолетней работы в архивах Великобритании, Германии и Турции.

«Первая война за иракскую нефть» вводит в научный оборот ряд источников, ранее практически неизвестных в России: это и официальные документы сражавшихся сторон –

например, отчет об обращении с британскими военнопленными в Турции, и личные записи участников кампании, такие, как личный дневник офицера второго Нортумберлендского полка А. Шейкшафта или воспоминания турецкого полковника Халил-Бея, и многое другое, создавая прочный фундамент для будущих поколений историков.

Однако ключевым остается вопрос о причинах, по которым именно месопотамские пески в очередной, но далеко не последний раз стали ареной ожесточенных сражений. И при ближайшем рассмотрении причины эти оказываются куда как злободневными. Действительно, более века назад армии мировых держав влекло на берега Тигра и Евфрата то же, что и сегодня: колоссальные природные ресурсы. И в первую очередь, разумеется, нефть.

Именно в начале XX века, с началом широкого использования двигателей внутреннего сгорания, «кровь земли» становится все более востребованной – востребованной настолько, чтобы ради нее стала литься уже алая, человеческая кровь.

Не правда ли, более чем знакомая картина? Буквально на наших глазах нынешний мировой гегемон, США, при поддержке своих союзников – в первую очередь, той же Великобритании – под любыми предлогами стремится захватить природные богатства этого региона. Санкции против Ирана, вторжение в Ирак и Сирию, наращивание влияния в монархиях Залива преследуют те же цели, что и век с лишним на-

зад.

Жестокие сражения Первой мировой давно отгремели – но Месопотамская кампания продолжается и поныне. И если век назад Россия в ней практически не участвовала, то с 2015 года, после ввода российского контингента на территорию Сирийской Арабской Республики по приглашению президента Асада, это и наша война.

И это еще одна причина обратить самое пристальное внимание на работу Кирилла Копылова: ведь знание прошлого – лучший способ разобраться в настоящем и предугадать будущее.

Егор Яковлев

Глава I

Древнее Междуречье, Месопотамия, где расцвели великие культуры древности и писали историю вавилоняне и ассирийцы, попала под власть турок в XVI веке. Большую часть следующих столетий эти земли провели в статусе пыльного, далекого и бедного угла Османской империи.

Британия надежно утвердилась в Персидском заливе еще в XIX веке, главным образом через «крышевание» местных шейхов, полузависимых от персов и турок, а также переключив на себя практически всю крупную торговую деятельность региона. Бизнес крутился, фунты исправно зарабатывались. Однако когда в 1901 году миллионер Уильям Нокс Д'Арси, австралиец, разбогатевший на золотой лихорадке, получил от персидского шаха концессию на шестьдесят лет по добыче нефти на его территории, ситуация заиграла новыми красками. Был сформирован картель («Англо-персидская нефтяная компания»), который с 1908 года при активной поддержке британского правительства начал разработку нефтяных месторождений. Персидский шах за выдачу разрешения на разработку получил 20 000 фунтов наличностью, акции компании на такую же сумму и 16 % прибыли после начала продажи нефти. Недооценивать вовлеченность британского правительства в этот вопрос не стоит: компанию создали при поддержке и покровительстве Первого лорда ад-

миралтейства Джона Фишера, а в 1911 году, при содействии сменившего Фишера Уинстона Черчилля, британское правительство тихо скупило ее контрольный пакет за огромную по тем временам сумму в 2 200 000 фунтов. Частично выкуп этот объяснялся и тем фактом, что Англо-персидская нефтяная компания создавалась в партнерстве с голландской «Роял Дач Шелл», а правительство желало сделать ее исключительно британской.

Однако не все было просто… География региона диктовала определенные проблемы и опасения. Британские нефтяные поля и нефтепроводы располагались на берегу Шатт эль-Араба, реки, образовавшейся при слиянии Тигра и Евфрата. На острове Абадан разместились нефтеперерабатывающий завод и нефтеналивной терминал для танкеров. Однако другой берег относился уже к Османской империи, и поэтому все английские нефтяные разработки оказались в зоне прямой видимости (и досягаемости) башибузуков и были крайне уязвимыми для атак с османской стороны. Крупнейший город региона и последний крупный порт, куда могли подниматься крупнотоннажные суда, Басра тоже оставался османским. С одной стороны, такая диспозиция внушала опасение потерять свое, с другой – вызывала стойкое желание подобрать чужое. Тем более что британская резидентура в Константинополе получила от немецких инженеров, работавших в османской Месопотамии, информацию о наличии нефтяных месторождений как на севере, так и на юге реги-

она.

Одновременно с началом строительства инфраструктуры британцы стали всячески обхаживать местного влиятельного персидско-арабского шейха Хазала, контролировавшего крупнейший на персидской стороне город Мохаммера (современный Хорремшехр). Шейх имел под ружьем примерно 20 000 племенных всадников, благодаря которым пользовался значительной автономией от Тегерана. В 1909 году в Муамерре британский резидент в Персидском заливе (ныне упраздненная должность, совмещавшая дипломатические и разведывательные функции с большими административными правами на месте) сэр Перси Кокс договорился с Хазалом о безопасности британских капиталовложений. Взамен шейх получил для своих интересов «широкое покровительство» Британии, 6500 фунтов наличными и еще 10 000 фунтов кредита. К 1912 году промыслы, нефтепроводы (длинной в почти 200 километров), завод и терминал, пусть и не без технических сложностей, вышли на проектную мощность, и «черное золото» изобильно полилось в цистерны британских танкеров.

Когда осенью 1914 года в воздухе ощутимо запахло войной с турками, британцы перешли к практическим действиям. Активная работа началась и по дипломатической, и по военной линиям. В Уайтхолле не видели причин превращать Месопотамию в еще одну арену военных действий, но считали необходимым обезопасить нефтяную инфраструк-

туру и «поддержать арабских шейхов». Операцию поручили правительству и военным Индии. Однако последних не слишком обрадовал такой поворот. Их основными задачами оставались сохранение внутреннего спокойствия в «самом большом алмазе британской короны», а также присмотр за вечно беспокойным северо-западным рубежом (сегодняшняя афгано-пакистанская граница и «зона племен»). Из-за переброски двух индийских пехотных и двух кавалерийских дивизий на Западный фронт те уже начали жаловаться на нехватку сил и ресурсов, так что даже «малые операции» экспедиционного характера могли столкнуться со сложностями. Также фактически с самого начала была сформирована странная система подчинения, когда общий ход кампании декларативно регулировался из Лондона, но трактовка и исполнение директив возлагались на командование в Индии и проводились за счет их ресурсов.

Специфику индийских формирований следует рассмотреть отдельно, так как она окажет прямое влияние на последующий ход событий. Индийская армия к началу Первой мировой являлась продуктом знаменитого мятежа 1857 года и многочисленных реформ второй половины XIX и начала XX столетия, многократно перестраивавших армию в попытках найти оптимальную структуру. Без преувеличения, главной ее изюминкой стала сложная система комплектования, основной целью ставящая исключение массовых волнений, подобных Сипайскому мятежу. Отдельные батальоны и даже

роты набирались из представителей различных этносов, религиозных и этнических групп, каст и классов, что мешало солдатам объединиться за пределами их узкого круга.

Возникали самые причудливые варианты и смеси. Так, к примеру, 2-й батальон 7-го полка гуркских стрелков набирался исключительно из уроженцев Непала, а 20-й пехотный состоял из сикхов, пуштунов и догров. 120-й пехотный включал роту раджпутов, принадлежавших к высшим кастам, две роты индуистов из низших каст, причем из Раджпутаны, и, наконец, роту мусульман, набранную в окрестностях Дели. На бригадном уровне смешение сохранялось: в одной бригаде мог быть батальон индуистов, мусульман и сикхов, к которым добавляли коренной британский батальон, приезжавший в Индию по ротации. Даже в случае серьезных волнений мятеж не выходил бы за пределы одного батальона, и три других могли спокойно и без угрызений совести расстрелять бунтовщиков.

На протяжении последних десятилетий XIX века районы вербовки в армию все больше перемещались на северо-запад Индии, в бедные и труднодоступные районы, откуда поступало до 80 % солдат. Часть их набиралась фактически за пределами контролируемой британцами территории, среди пуштунских племен современного Афганистана. Одновременно вербовка становилась все более локальной. По словам историка Гордона Корригана, «в некоторых районах набор стал настолько выборочным, что отдельные маленькие

деревни, кланы и семьи, отправлявшие в войска почти всех своих мужчин, комплектовали по одному-два полка»[1]. Подобный подход способствовал созданию тесно сплоченных воинских коллективов в мирное время, но грозил крупными проблемами в военное, так как в случае больших потерь их почти нереально восполнить в рамках столь специализированной системы.

Офицерский корпус в индийской армии состоял из двух частей. Начиная с ротного уровня, все должности комплектовались исключительно британскими офицерами, от которых требовалось хорошее знание языка, обычаев и нравов их подчиненных, а также необходимая при работе с национальными кадрами гибкость. На ступень ниже стояли индийские офицеры из выслужившихся рядовых. На них лежала огромная ответственность, так как именно им следовало поддерживать дисциплину, обучать личный состав и руководить им. Субадар-майор в пехоте и рисалдар-майор в кавалерии (высшие звания для индийцев) считались ближайшими помощниками командиров батальона или эскадрона и обладали непререкаемым авторитетом. Эта система также заключала в себе зерна проблем, ибо выбывших по тем или иным причинам британских и особенно индийских офицеров, заточенных под работу с определенным контингентом, было чрезвычайно трудно заменить.

---

[1] Corrigan G. *Sepoys in the Trenches: The Indian Corps on the Western Front*, 1914–1915. P. 129 (Staplehurst, UK: Spellmount, 1999).

Рядовой, в свою очередь, не был угнетенным колонизаторами бесправным существом. Индийцы шли в армию добровольно, часто будучи наследниками древних воинских традиций. Они получали за службу плату, паек, одежду и многое другое, а также ожидали определенных преференций после выхода в отставку. Помимо этого солдаты ожидали уважения и соблюдения своих национальных и религиозных традиций и обычаев и вовсе не считали свой военный контракт односторонним.

После реформ Китчинера в 1903 году облик индийской армии окончательно сформировался в том виде, в котором ей предстояло идти в бой, но не утихали разговоры о том, что из индийцев надо делать части, пригодные для «регулярной» войны с европейским противником. Однако вплоть до начала Первой мировой разговоры не привели к особым подвижкам. Частично вопрос упирался в деньги: правительство вице-королевства не хотело увеличивать ассигнования на армию, и начало войны индийцы встретили с острой нехваткой современной артиллерии, пулеметов, средств связи, медицинского и тылового обеспечения. Так же вызывала определенные вопросы их готовность к действиям в составе крупных воинских формирований звена бригада – дивизия, а также уровень подготовки штабов и старших командиров. С началом войны индийской армии предстояло показать, способна ли она на нечто большее, чем участие в боях с племенами и карательных операциях.

Еще одним фактором, провоцировавшим определенные опасения у командования, было использование индийских частей, состоявших из мусульман (а это почти 40 % индийской армии), в боях против единоверцев и на их территории. Особую тревогу вызывали части из пуштунов, отличавшихся особым исламским рвением.

Противником британцев в Месопотамии выступала османская армия, также имевшая особую специфику. После проведения мобилизации в связи с началом Первой мировой войны армия Османской империи насчитывала почти полмиллиона человек, к которым добавлялось почти 45 000 жандармов и пограничников, привлеченных к тыловой службе и для действий в районах со сложными климатическими условиями. Армия стала плодом многолетнего и крайне успешного взаимодействия между турецкими и немецкими властями, фактически ее создали по немецкому образцу. Основные уставы были переводом их немецких аналогов с небольшой корректировкой под местные реалии. Основная часть старших военных чинов и немалая часть офицеров среднего звена так или иначе учились у немцев или стажировались в Германии. Благодаря двум Балканским войнам практически все османские офицеры от ротного уровня и выше имели опыт современной войны, как и почти половина солдат.

Османская армия набиралась исключительно из подданных мусульманского вероисповедания, гражданенемусуль-

мане в армию не призывались, вместо этого выплачивали особый налог. Но подобная практика совсем не гарантировала гомогенность личного состава. Если набранные в турецких районах империи соединения считались лучше подготовленными и более стойкими, то укомплектованные за счет арабов вызывали многочисленные вопросы к уровню их подготовки и моральному состоянию.

Серьезные проблемы армии составляли техническая отсталость и дефицит вооружения, особенно усилившийся после двух тяжелых войн на Балканах. Османская артиллерия насчитывала всего около 900 орудий, основная часть которых была полевыми 75-мм пушками производства немецкого «Круппа», французской компании «Шнейдер» и австро-венгерской «Шкоды». Каждая дивизия имела по 21 подобному орудию, а на корпус полагалось по дюжине 105-мм гаубиц. В крепостях Адрианополя, Дарданелл, Эрзурума, Босфора и Чаталджи имелось дополнительно около 900 орудий, но большая часть из них не могла быть отправлена на фронт.

С пулеметами ситуация сложилась не лучше. Каждому полку по штату полагалось иметь по четыре пулемета (немецкого или австро-венгерского производства), но до полного насыщения не хватало более двухсот стволов. Что касается боеприпасов, то на каждого стрелка приходилось всего по 350 патронов и по 560 снарядов на орудие (включая крепостные). Полностью отсутствовали моторизация и

авиация.

Империя находилась в крайней зависимости от поставок оружия и военных материалов извне. На всю страну имелся только один пороховой завод, один патронный и одно производство снарядов, орудий и пулеметов. Все они лишь в самой минимальной степени удовлетворяли потребности армии и не могли ни в коей мере обеспечить замену в случае больших потерь материальной части. К тому же они находились в районе Константинополя и были теоретически крайне уязвимы.

Плохая дорожная сеть и недостаточная протяженность железных дорог чрезвычайно сковывали османскую армию и не позволяли быстро осуществлять переброску войск с одного фронта на другой. Железная дорога проходила лишь через центральную и южную часть Анатолии в Сирию и Палестину, и то с разрывами, и не охватывала районы ни Кавказа, ни Месопотамии. На всех железных дорогах империи эксплуатировалось всего около 280 паровозов, 720 пассажирских и 4500 грузовых вагонов.

Еще одной серьезной проблемой для османских военных была перспектива открытия сразу трех фронтов: во Фракии, на Кавказе и в Палестине. С учетом слабой транспортной связанности страны это грозило крупными неприятностями. Что касается Месопотамии, то в предвоенном планировании ей отводилась роль тыловой зоны, вариант атаки ее противником считался маловероятным. Размещенные там четыре

дивизии в составе двух корпусов даже планировали перебросить на Кавказ и в Палестину, оставив взамен лишь одну вновь сформированную из местных арабов пехотную дивизию и части жандармерии. Что и было сделано в августе – октябре 1914 года.

16 октября 1914 года бригадный генерал Уолтер Деламейн, командовавший бригадой в 6-й индийской дивизии, вместе со своими частями готовился к отправке с субконтинента, будучи в полной уверенности, что поплывет в Европу через Египет. Погрузившись на четыре транспорта с малой осадкой, он получил запечатанный приказ с требованием открыть его через 72 часа после выхода из порта. В море, открыв конверт, генерал с удивлением обнаружил, что конечным пунктом его путешествия указан Бахрейн, где следовало ждать новых приказов и быть готовым к активным действиям в любой момент.

Двадцать третьего октября по прибытии в Бахрейн генерал встретился с резидентом Коксом, который передал ему очередную кипу официальных распоряжений и описал собственное видение ситуации. В распоряжениях Деламейну предписывалось по первому сигналу выдвинуться к британским нефтяным разработкам на персидской территории и взять их под охрану. При этом следовало избегать любых вооруженных стычек с турками без особого на то распоряжения правительств Британии и Индии. Однако оставалось не очень понятно, как силами одной пехотной бригады обеспе-

чить безопасность разбросанных на многие километры вышек, трубопроводов и прочего добра. В случае объявления войны Деламейну следовало предпринять все необходимые меры для укрепления своих позиций и по возможности взять Басру. Кокс также сообщил генералу, что назначен его политическим советником и со своей стороны сделает все возможное для получения гарантий поддержки местных элит в любых военных начинаниях. Кроме того, постарается обеспечить поддержку вспомогательными войсками из числа абреков Хазала, кувейтского эмира шейха Мубарака аль-Кабира ибн Сауда из Восточной Аравии. Также Кокс обещал взять на себя организацию оккупационных администраций в местах, которые Деламейн захватит. Ожидание продлилось недолго: уже 29 октября, в день, когда «Гебен» обстрелял Севастополь, Деламейн получил шифровку с приказом немедленно сниматься с якоря, следовать со всей возможной скоростью к устью Шатта и далее – к британским нефтяным полям.

Состав сил генерала Деламейна:

- 16-я индийская пехотная бригада;
- штаб бригады;
- 1-я бригада индийской горной артиллерии;
- 22-я рота, саперы и минеры;
- 2-й батальон дорсетширского полка;
- 20-й пенджабский батальон;
- 104-й стрелковый батальон;

- 117-й махраттский батальон;
- секция 34-й дивизионной роты связи;
- 125-й полевой госпиталь;
- 12-й отряд погонщиков мулов;
- 13-й отряд погонщиков мулов;
- колонна снабжения;
- артиллерийский парк с боеприпасами;
- полевая почта.

Всего 91 британский офицер, 918 британских рядовых и сержантов, 82 индийских офицера, 3640 индийских рядовых и сержантов, 460 нестроевых, 1290 животных.

Британский флот имел в Персидском заливе шлюпы «Один» и «Эспиле» и вооруженную яхту «Дальхойз». В районе Ормузского пролива на случай подхода немецких рейдеров (прежде всего легкого крейсера «Эмден», находившегося в Индийском океане) стоял старый броненосец «Оушен».

Всему этому османы могли противопоставить около 6500 бойцов 38-й дивизии, все еще находившийся на ранних стадиях формирования, 33 орудия и три пулемета. Характерно, что британцы оценивали силы противника на театре военных действий почти в два раза выше. Большая часть этих сил располагалась в районе Басры, прикрывая город как от вероятной высадки в устье реки, так и от сухопутного вторжения со стороны Кувейта.

Прибытие крупного британского контингента в Бахрейн не осталось незамеченным в Басре. В самом городе и про-

винции сложилась непростая для турок ситуация. Басра – турецкие ворота в Персидский залив – являлась городом с сильными проарабскими настроениями, с 1908 года там действовало несколько многочисленных арабских националистических организаций, на которые младотурки смотрели с плохо скрываемым подозрением. Самой известной проарабской фигурой в провинции был Саид Талиб аль Накиб, с 1908 года являвшийся членом турецкого парламента, где активно добивался арабской автономии, что крайне не нравилось младотуркам. Снова избравшись в 1914 году в парламент, Саид не решился даже поехать в Константинополь, опасаясь ареста или покушения. Кокс не мог пройти мимо такого человека, и в октябре 1914 года при посредничестве шейха Хазала состоялась их тайная встреча с Талибом. Англичанин предложил сделку: в обмен на лояльность и помощь Саид сразу после занятия Басры британцами станет губернатором. Британцы позволят ему заниматься внутренней политикой по собственному разумению, но с их помощью и советами, разумеется, а Талиб аль Накиб станет помогать британцам в экономической эксплуатации региона и гарантирует все будущие вложения в развитие Басры. Против ожиданий, Талиб отказался, сказав, что не хочет менять для себя и своего народа одного хозяина на другого. Кокс пожал плечами и уехал, у него оставалось еще много вариантов и вероятных кандидатур, а Саид в сложившихся обстоятельствах решил поддержать турок, считая их меньшим злом.

Он послал телеграмму военному министру Энверу, в которой пообещал привлечь к защите Басры окрестных арабских шейхов и племенные ополчения. Энвер не возражал, он даже пообещал Талибу в случае успеха пост губернатора Басры. Младотурки в любом случае ничего не теряли: если Талиб преуспеет, то его всегда можно убрать, а если нет, то особого вреда все равно не будет. Получив ответ Энвера, Саид вместе с несколькими верными людьми отправился в путь, чтобы «обменять мысль на решение». Однако дело пошло не слишком удачно. Хазал, выслушав предложения о смене стороны, блокировке Шатта и разрушении британской собственности, сразу отказался от всяческих интриг, с улыбкой посоветовав Талибу сменить сторону, пока не поздно, и не ввязываться в заранее проигранное дело. Османы обещали Хазалу лишь некую неопределенную благодарность в будущем, англичане же платили звонкой монетой уже сейчас.

В Кувейте комбинаторов ждал более чем холодный прием: 3 ноября британцы признали независимость шейха от османов, разумеется, под британским протекторатом, и дали ему щедрую взятку. Тот в обмен пообещал поддерживать любые британские действия в регионе и помочь освободить Басру от турецкого владычества. Таким образом, любые протурецкие выступления Кувейту были противопоказаны. Также шейх сообщил, что только законы гостеприимства не позволяют ему арестовать визитера и передать его британцам, поэтому Талибу лучше никогда более не приближаться к его

владениям.

Последней серьезной надеждой Талиба оставался воинственный и опасный хозяин Восточной и Центральной Аравии Абдул-Азиз ибн Абдурахман ибн Фейсал Аль Сауд, или проще ибн Сауд. К нему мы еще вернемся.

Собственно боевые действия начались на следующий день после официального объявления войны 5 ноября 1914 года. По традиции их открыл Королевский флот. Британский парусно-винтовой шлюп «Один», который после протестов и посланий османских офицеров дежурил в устье реки, прижимаясь к персидскому берегу, теперь шел в сопровождении транспортов с войсками. С рассветом он начал обстрел турецкого форта на полуострове Фао в устье Шатта. Через полтора часа турецкий комендант форта и восемь солдат были убиты, а остальные, общим числом около 400 человек, разбежались. Британцы, скорее для очистки совести, провели траление и, не обнаружив мин, успокоились.

Деламейн высадил с транспортов две роты для окончательной зачистки форта и установки телеграфной станции, подводный кабель для которой тянул флот, после чего отправился вверх по реке до местечка Сания на стыке границ Персии и Османской империи. Отсюда он мог обеспечить защиту нефтепровода, нефтеперерабатывающей и нефтеналивной инфраструктуры в Абадане, до которых оставалось всего четыре километра, а также угрожать самой Басре, которую, как мы помним, требовалось по возможности захва-

тить. Сама высадка прошла не то чтобы гладко – транспорты несколько раз садились на мель, а в отсутствие нормальных барж и лихтеров операция растянулась на два дня. Заметим, что транспортные проблемы вообще станут проклятием всей кампании. При полном отсутствии не только железных, но даже обычных дорог абсолютно все перевозки будут зависеть от речного транспорта, пробирающегося среди речных мелей и в лабиринте болотистых озер.

Деламейн решил остаться в Сании и дождаться подкреплений, прежде чем совершать дальнейшие шаги. 11 ноября турки атаковали британский лагерь, воспользовавшись редким для тех мест сочетанием песчаной бури и проливных дождей, превративших берега Шатта в болото. После нескольких часов довольно бестолковой с обеих сторон перестрелки турки отступили, но Деламейн только укрепился во мнении, что лучшим решением станет сидеть и ждать, тем более что ему сообщили о приближающейся остальной части 6-й индийской пехотной дивизии.

Тем временем Саид Талиб аль Накиб прибыл к своей последней серьезной надежде, Абдул-Азизу ибн Абдуррахману ибн Фейсалу Аль Сауду. Тот встретил Талиба и его спутников благожелательно, но в его хитрой и умной голове уже роились неприятные мысли. Все последние годы он ловко лавировал между британцами и османами, при каждом повороте получая те или иные преимущества и не попадая под плотную опеку ни одной из сторон. Его образ «истинного мусуль-

манина» и «защитника веры» не позволял ему отказаться от участия в джихаде против британцев, и тем более не привлекала его перспектива помогать неверным убивать единоверцев. С другой стороны, ссориться с британцами всегда опасно, ибо его рыхлое государство находилось в вечном окружении врагов, да и подданные оставляли желать лучшего – за горсть британского золота кто угодно мог воткнуть кинжал в спину.

Британцы уже подкатывали к нему с предложениями, но Сауд не считал себя идиотом вроде жалких правителей Кувейта, Бахрейна, Омана и прочих, а от главного интересовавшего его вопроса, судьбы Мекки и Медины, британцы постоянно увиливали под предлогом, что этот вопрос сейчас не обсуждается. Однако Сауд нашел изящный выход из положения. В течение девяти дней он говорил Талибу, что собирает войска и готовится помочь тому оборонять Басру от неверных и их приспешников, затем покинул Рияд со всего 500 всадниками, большая часть которых была родней Сауда. Талиб сразу заподозрил недоброе: с этими людьми можно было выступить в первый же день. Сауд, известный тем, что мог скакать со своими воинами днем и ночью без остановки, покрывая сотни километров пустыни за считаные дни, на этот раз никуда не торопился. На каждый намаз уходило по несколько часов, шатры долго собирались и разбирались, ехали не более четырех-пяти часов в день, кони шли шагом.

Когда кавалькада в конце концов достигла стыка саудов-

ской, кувейтской и османской границ, выяснилось, что британцы уже почти неделю как заняли Басру. Талиб был поражен в самое сердце. Сауд же просиял: он искренне посочувствовал горю Талиба, но с сожалением сообщил, что не видит, чем может помочь в изменившихся обстоятельствах, после чего развернулся и со скоростью ветра исчез в пустыне вместе со своей кавалькадой. Ни Талиб, ни его спутники не питали иллюзий, что теперь, когда явный фаворит очевиден, хитрый кочевник поскакал торговаться с британцами. Участь Талиба теперь стала непонятна: он не выполнил обещание, данное Энверу, и не захотел переметнуться к британцам. Пока он размышлял, что делать дальше, его арестовали кувейтцы, сославшись на свое предупреждение. Почти сразу они передали Талиба британцам, которые отправили его в почетный плен в Бомбей на случай, если он вдруг еще одумается.

14 ноября прибыл генерал-лейтенант Баретт с остальной 6-й индийской дивизией. Приняв командование, он решил перестать толочь воду в ступе, тем более что вместе с ним прибыли несколько пригодных для речных действий канонерок. 15 ноября британцы отогнали турок от собственного лагеря, наступая на местечко Сайхан. Двумя днями позднее они предприняли атаку на главную турецкую линию обороны в районе города Сахиль, удерживаемую примерно 4000 солдат и 1000 арабских ополченцев при поддержке дюжины орудий. После продолжительного боя противник обра-

тился бегство, причем немалую заслугу в этом сыграл огонь со шлюпов. За день упорных боев британские силы потеряли около 500 человек убитыми и ранеными, а потери турок оценивались в 1500–2000 человек. После боя под Сахилем турки решили, что у них недостаточно сил для обороны Басры, и приняли решение оставить город.

Надо заметить, что на протяжении всей войны бои в плотной городской застройке арабских мегаполисов вообще велись крайне редко. Басра была оставлена 21 ноября, и по старой восточной традиции сразу, как только ушел административно-карательный аппарат, в городе начались кутежи с погромами, разбоями и мародерством. Происходящее вынудило американского консула Джона ван Эсса послать лодку со срочным сообщением британскому командованию. Консул просил как можно скорее занять город и предотвратить разграбление… нет, не городских музеев, а имущества оставшихся в городе белых.

Британцы, не поверив своей удаче, отправили в город шлюпы «Один» и «Эспиле» (кстати, последний в Королевском флоте корабль с носовой фигурой), нагруженные десантом. Недалеко от Басры корабли наткнулись на перегородившие реку четыре затопленных судна, соединенных кабелями. К счастью, течение развернуло одно из них и отнесло его к персидскому берегу, что оставило узкий проход. Проход вскоре прозвали Тропой Сатаны, потому что река оставалась частично перегороженной еще много месяцев и всем

кораблям, идущим вверх по течению, приходилось протискиваться через него.

Прибыв, десант занял ключевые точки вдоль реки и немного пострелял по мародерам. 23 ноября Баретт торжественно въехал в город и поднял «Юнион Джек» на центральной площади. Ехавший с ним Кокс тут же выпустил прокламацию стандартного британского содержания, где в первой части местным жителям обещались всяческие свободы и демократии. На вторую часть обычно мало кто обращал внимание, а напрасно, потому что она вводила суды военного трибунала и массовые расстрелы. Собственно, занятием Басры британцы решили все первоначально поставленные задачи: турки отрезаны от Персидского залива, нефть можно качать, почти не опасаясь их противодействия, шейхи залива окончательно убедились, кто в доме хозяин.

Глава II

После захвата Басры сэр Кокс активно принялся за формирование оккупационной/колониальной администрации. За образец он взял управленческую структуру мусульманских районов Индии, что имело далекоидущие и не самые приятные для англичан последствия, так как устоявшаяся за века османская система управления от нее, мягко говоря, сильно отличалась.

Созданию системы власти поначалу мешали несколько факторов.

Первым стало полное отсутствие каких-либо официальных реестров: имущественных, налоговых, архивных и так далее. Местные клялись и божились, что османы вывезли все с собой, покидая город, или сожгли бумаги, но англичане не сомневались, что основная масса документов канула в Лету во время погромов в период безвластия.

Вторым фактором стала правовая коллизия. Жители Басры и окрестностей формально считались подданными вражеской державы, из которых нельзя ничего формировать. Эту проблему обошли выдачей сотрудничающим временных особых паспортов, схожих с аусвайсами, «жителя оккупированных территорий Месопотамии». Третьим фактором было крайне отрицательное отношение военных к попыткам привлечения арабов (которых считали двуличными предателя-

ми) к работе в каких-либо органах власти. Да и сами арабы не спешили записываться, боясь возвращения турок и репрессий. Проблема была настолько велика, что пришлось даже импортировать чиновников-мусульман из Индии.

Ну и, наконец, мешало этническое, религиозное и культурное разнообразие населения. В 1914 году на территории Ирака жили около двух с половиной миллионов человек, половина из которых вели полукочевой образ жизни. Примерно миллион с четвертью составляли арабы, остальное – турки, курды и персы. Большинство жителей исповедовали ислам, причем как его шиитскую, так и суннитскую ветви, которые в те дни «дружили» ничуть не менее яростно, чем в наше время. Кроме того, существовали (в основном в крупных городах) небольшие общины христиан, иудеев и езидов.

Тем не менее, несмотря на все сложности, британцы умело установили жесткий оккупационный режим и мгновенно подавляли малейшие проявления неподчинения и смуты, даже провели несколько показательных расстрелов. Опыт в этом у них был огромным, посему неудивительно, что, посетив в феврале 1915-го Басру, вице-король Индии лорд Хардинг нашел город «удивительно спокойным и мирным»[2], от всей души пообещав жителям «более чуткую и отзывчивую администрацию»[3]. Впрочем, оставшиеся в городе арабские

---

[2] *Роган Ю.* Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем востоке, 1914–1920. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 81.

[3] *Роган Ю.* Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем

националисты с горечью отмечали, что в целом жители спокойно променяли одного хозяина на другого.

Сэр Перси Кокс в своем письме в Бомбей также сразу стал настаивать на продолжении наступления, видя главной целью Багдад, пока турки явно деморализованы, а настроение местного населения колеблется. Нельзя сказать, что Багдад обладал каким-либо особым военным, политическим или экономическим значением, но, как и многие города Востока вроде Иерусалима или Дамаска, он манил своей исторической значимостью. Однако против высказались военные на местах и, самое главное, военное руководство в Лондоне. Они приводили весьма веские доводы: до Багдада 700 километров, в наличии лишь одна пехотная дивизия, коммуникации плохие, а переоценивать настроения местного населения особо не стоит. Было ли в Лондоне и Бомбее известно о климатических и географических сложностях Месопотамии? Между маем и октябрем температура воздуха здесь могла достигать 50 градусов в тени, а между ноябрем и апрелем падать по ночам до нуля. Зимний сезон заполняли дожди, способные за несколько часов превратить речные окрестности в болота или грязевые озера, заодно скрывая под поверхностью и делая незаметными многочисленные ирригационные каналы.

Все перемещения войск и грузов прямо зависели от режима рек. До Багдада можно было доплыть по Тигру в любое

востоке, 1914–1920. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 81.

время года, но во время разлива реки по ней могли пройти суда с осадкой до двух метров, в то время как в засушливый сезон лишь с осадкой не более метра.

Сразу после захвата Басры и военные тыловики, и моряки написали по длинному посланию о том, что полноценное снабжение даже одной дивизии через город может оказаться сложным. Басра являлась морским портом лишь номинально, в ней отсутствовали склады, причальный фронт и краны. Корабли загонялись в затоны, где с них подручными средствами перемещали грузы на баржи и местные лодки, которые затем вываливали на берег. Дороги отсутствовали, как и материалы для их строительства, кроме того, при прокладке путей приходилось строить многочисленные мосты через ирригационные каналы. Войска зависели от поставок извне на 100 %, приходилось завозить даже дрова и уголь. Командер индийского флота Гамильтон, работавший до войны на реках Ирака, отметил, что потребуется не менее дюжины речных пароходов с малой осадкой даже для того, чтобы просто начать думать о продвижении за Басру.

Тем не менее письмо Кокса крайне благоприятно восприняли во многих политических кругах, и мысль о том, что Багдад должен стать конечной целью военной кампании, постепенно укоренялась среди чиновников и руководства вице-королевства Индии.

В ходе оживленной переписки между Басрой, Лондоном и Бомбеем было решено, что наступление стоит продолжить,

и следующей целью стал город Курна. Курна находилась в месте слияния Тигра и Евфрата в пятидесяти километрах от Басры, и командующий 6-й индийской дивизией генерал Барретт считал, что его частям такой бросок вполне по силам. Наступление предпринималось, по официальным данным, для улучшения прикрытия нефтяной инфраструктуры Басры, а также с целью лишить противника важного транспортного узла, через который он мог перебрасывать силы с Тигра на Евфрат и обратно.

Состав сил на 30 ноября 1914 года.

6-я индийская пехотная дивизия: штаб дивизии.

Кавалерия:

33-й полк легкой кавалерии Королевы Виктории.

Артиллерия:

штаб дивизионной артиллерии;

10-я бригада Королевской полевой артиллерии (КПА):

- 76-я батарея КПА;
- 82-я батарея КПА;
- 63-я батарея КПА;
- 6-я колонна боеприпасов.

1-я индийская бригада горной артиллерии:

- 23-я индийская горная батарея;
- 30-я индийская горная батарея.

Инженерно-саперные части:

штаб дивизионных инженеров;

17-я рота 3-го батальона саперов и минеров;

22-я рота 3-го батальона саперов и минеров;
48-й саперный батальон;
34-я дивизионная рота связи;
41-я радиорота.
Пехота:
16-я индийская пехотная бригада:
• 2-й батальон дорсетширского полка;
• 20-й герцога Кембриджского пехотный батальон (пенджабцы Браунлоу);
• 104-е стрелки Веллингтона;
• 117-й махраттский батальон;
17-я индийская пехотная бригада:
• 1-й батальон оксфордширской и бэкингем-ширской легкой пехоты;
• 119-й пехотный батальон (Мултанский полк);
• 22-й пенджабский батальон;
• 103-й батальон махраттской легкой пехоты;
18-я индийская пехотная бригада:
• 2-й батальон норфолкского полка;
• 110-й батальон махраттской легкой пехоты;
• 120-й батальон раджпутанской пехоты;
• 7-й батальон раджпутов герцога Коннаута.
Медицинская служба:
16-й и 17-й британские полевые госпитали;
125-й и 126-й индийские полевые госпитали;
19-й эвакуационный госпиталь;

57-й индийский стационарный госпиталь;

3-й британский госпиталь общего профиля;

9-й индийский госпиталь общего профиля;

2-я рентгенологическая секция;

Передовой медицинский склад.

Речные силы:

Шлюпы «Один» и «Эспиель» – по шесть 4-дюймовых скорострельных орудий, два 3-фунтовых орудия и два пулемета.

«Лоуренс» (колесный пароход) – четыре 4-дюймовых скорострельных орудия и четыре 6-фунтовые пушки.

«Комет» (паровая яхта) – одна 3-фунтовая пушка, три скорострелки Нордфельда.

«Льюис Пелли» (малая паровая яхта) – две 3-фунтовки Готчкисса и один пулемет.

«Майнер» (малый речной пароход) – одна 12-фунтовая пушка, одна 3-фунтовая пушка, один пулемет.

«Шайтан» (паровой буксир) – одна 12-фунтовая пушка, один пулемет.

«Сирдар» (паровой буксир) – одна 12-фунтовая пушка, один пулемет.

«Машона» (паровой буксир) – одна 3-фунтовая пушка.

Невооруженные речные суда: «Меджидие», «Блоссе Линч», «Маламир», «Шумана», «Шибаб», «Шурур».

Во всем этом великолепии в первую очередь притягивала внимание фантастическая коллекция разномастных и разнообразно вооруженных речных судов. Но проблемы суще-

ствовали и в наземных частях. Например, из артиллерии было только три батареи полевых 18-фунтовых пушек (аналогичных русской трехдюймовке) и две батареи индусов с их 10-фунтовыми горными пушками. Так что дивизия могла похвастаться лишь небольшим количеством легкой артиллерии. Несмотря на наличие целых двух рот связи, обе они приехали на фронт крайне неукомплектованными техническими средствами, имея лишь несколько телефонов и катушек кабеля и два комплекта радиостанций. Госпитали, несмотря на их значительное количество, испытывали крайний недостаток персонала, средств эвакуации, медицинских запасов, а вывозить раненых из Басры в тыловые госпитали в Индии можно было лишь при помощи единственного госпитального судна, которое совершало вояжи еще и в Африку.

В своих рапортах командованию генерал Барретт совершено справедливо писал, что его войска готовы вести лишь «колониальную» войну, а вот столкновение с сопоставимым регулярным противником может быть сопряжено с проблемами.

Для захвата Курны, в которой, по преданию, когда-то находились Эдемский сад и Древо познания, сформировали временную боевую группу из двух полевых орудий, роты Норфолкского полка, полуроты саперов и двух индийских батальонов. Примечательно, что пехотные части взяли из двух разных бригад и командовать поручили не бригадному штабу, а самому старшему из батальонных командиров. Впо-

следствии формирование таких вот временных групп стало печальной традицией британцев в Месопотамии и привело к крупным проблемам.

За речную часть отвечали два шлюпа, два вооруженных парохода и несколько моторных барж, которые тянули за собой лихтеры с войсками и припасами.

Османская оборона Курны строилась вокруг укреплений (в одну линию окопов полного профиля) примерно в семи километрах от города в месте впадения в Шатт восточного притока реки Шваиб (ныне несуществующей), а также отдельных укреплений, вырытых на окраине самого поселения.

3 декабря британская речная армада уперлась в османские укрепления и подверглась энергичному обстрелу из артиллерии. Высаженные солдаты быстро овладели турецкими окопами, взяв шестьдесят пленных и два орудия, но османы продолжили интенсивный обстрел из самой Курны. Для шлюпов, единственных нормальных военных кораблей, река уже чересчур обмелела. «Один» повредил руль в попытках развернуться бортом к противнику, а для остальных кораблей огонь оказался слишком силен. «Майнер» получил пробоину в машинном отделении и сел на дно. В результате британцы отказались от продвижения и эвакуировали войска с захваченных позиций.

6 декабря из Басры прибыла оставшаяся часть норфолкцев с двумя дополнительными индийскими батальонами и

батареей горных пушек. Был разработан новый план: пока речные корабли будут бомбардировать Курну, пехота продвинется по левому берегу Тигра выше города, после чего переправится на другой берег, отрезая османов.

План этот был успешно реализован 7–8 декабря. Корабли, ведя огонь из всех орудий, подошли к самой Кур-не. Шлюп «Эспиель» даже сел дном на грязь, на время превратившись в несамоходную батарею. Пехота тем временем продвигалась вдоль Тигра, сбивая османских защитников с позиций. В пяти километрах по реке выше города индийцы смогли переправиться на другой берег. Трое индийских солдат переплыли Тигр, держа в руках канат, вдоль которого затем на небольших лодках переправился остальной батальон. К исходу 8 декабря Курна была отрезана от Багдада.

Вечером того же дня на британские позиции прибыли трое османских офицеров с предложением начать переговоры о сдаче. На следующий день губернатор провинции Басра и командир 38-й пехотной дивизии Суди Бей сдался вместе с 45 офицерами, 989 солдатами и семью орудиями. Примечательно, что часть османских войск, включая один батальон из турок, ночью с 8 на 9 декабря ушла из города вдоль Евфрата, избежав пленения.

Вся операция по захвату Курны прошла пусть и не без проблем, но довольно бодро и обошлась британцам удивительно дешево: всего около сотни погибших и семи сотен раненых. Сам город был далек от библейских садов. Англичане

шутили, что необходим ангел с огненным мечом, дабы сжечь эту помойку дотла. Впрочем, со свойственным им юмором они немедленно переименовали центральную улицу в проспект Адама, а рыночную площадь в площадь Искушения.

Несмотря на серию сокрушительных разгромов, турки не собирались так просто сдаваться. Падение Басры жестоко ударило по самолюбию младотурков, они не ожидали столь быстрой и легкой победы англичан, которая лишила Османскую империю выхода в Индийский океан и окончательно похоронила весь ее престиж в Персидском заливе. Ситуацию требовалось срочно «разрулить» или хотя бы предпринять деятельные шаги в этом направлении.

Проблема заключалась в том, что для наказания неверных требовался хотя бы армейский корпус, а в наличии не имелось даже свободной дивизии. Проливы, начавшаяся кампания на Синайском полуострове и Кавказский фронт поглощали все имеющиеся сколь-нибудь боеспособные войска. 35-й дивизии было приказано срочно возвращаться из Сирии, куда ее перебросили еще до начала боевых действий, но ее еще предстояло срочно восстановить. В дополнение к этому турки решили действовать асимметрично в надежде, что метод сработает. С задачей отбить Басру в Месопотамию отправился заместитель начальника турецкой секретной службы подполковник Сулейман Аскери, доверенное лицо как военного министра Энвер-паши, так и министра внутренних дел Талаат-паши.

Рожденный в 1884 году на территории современного Косово в семье турецкого генерала, Аскери прошел весь полагающийся турецкому офицеру того времени путь. Военная академия в Стамбуле, стажировки в Германии, присоединение к младотуркам в 1908 году (он тогда служил в нынешней Македонии и лично возглавлял их местную ячейку). В 1911 году Сулейман успешно возглавлял ливийские племенные отряды в войне с итальянцами, в годы балканских войн перешел служить в разведку и к 1914 году стал заместителем ее начальника. Все знавшие Аскери единодушно характеризовали его как фанатичного, упорного и энергичного бойца, готового на все ради достижения цели. Впрочем, некоторые отмечали его излишнюю амбициозность, смешанную с верой в собственную исключительность и одаренность.

Аскери предстояло отбить Басру, причем с минимальным количеством регулярных войск и вообще без привлечения каких бы то ни было ресурсов из Анатолии или Сирии. Энергичный турок сам расширил эту задачу, считая, что ему вполне по силам поднять массовый джихад против завоевателей, который обязательно перекинется не только на Персидский залив, но и на Британскую Индию.

Прибыв в Багдад в начале января 1915 года, Аскери немедленно развернул кипучую деятельность по привлечению на свою сторону племенных вождей и их ополчений в надежде повторить успешный ливийский опыт. Помогало ему и то, что в период с 1909 по 1911 год Сулейман возглав-

лял багдадскую жандармерию и неплохо разбирался в хитросплетениях местной племенной политики. Для привлечения вождей он использовал все возможные методы и поводы, религиозный фанатизм, взятки, обещания грабежей и передела собственности.

Уже в конце января его силы совершали мелкие нападения и рейды на британские аванпосты в районе Курны, беспокоя англичан булавочными уколами. Но Аскери вынашивал и куда более серьезные планы.

Глава III

В начале 1915 года у британцев возникли проблемы в Персии. Османские и немецкие агенты активно раскаляли обстановку в южных районах страны, где добывалась та самая нефть, из-за которой и во имя которой, собственно, и началась вся драка.

Среди населения персидского Арабистана стали распространяться многочисленные призывы к джихаду с целью изгнать неверных и сбросить английские оковы. Ходили слухи, призванные воздействовать на местных жителей, особенно примечательным был тот, в котором рассказывалось, что немецкий император Вильгельм принял ислам, тайно совершил хадж в Мекку и провозгласил себя императором Хаджи Вильгельмом Мухаммедом, защитником всех мусульман.

Отдельная работа велась в окрестностях Мохаммеры, где, мягко говоря, не все были довольны властью давно купленного англичанами шейха Хазала.

Помимо пропаганды, применялись и вполне практические меры. Участились нападения на объекты нефтяной инфраструктуры, были разграблены отделения Англо-Персидского банка, наличность из хранилищ которых пустили на финансирование подрывной деятельности. Уничтожались даже телеграфные столбы, дабы затруднить британцам связь. Местные персидские власти и жандармерия не принимали

никаких мер для борьбы с этими явлениями и справедливо подозревались в прогерманских настроениях.

В персидском Бушере даже предприняли попытку штурма британского консульства силами многочисленных вооруженных мятежников. Англичане готовились к такому повороту еще с августа 1914 года. Консульство было хорошо укреплено, его оборонял отряд индийских солдат и британских морских пехотинцев. Атаку легко отбили, но общая ситуация в городе и окрестностях потребовала радикальных мер. По морю перебросили дополнительный индийский контингент, который провел карательные операции против селений племен, подозреваемых в нападениях на англичан. Села сжигали дотла, скот угоняли и даже вырубали деревья. Тем не менее для поддержания порядка в Бушере и Ширазе пришлось держать целую индийскую бригаду.

В феврале за прямой военной помощью обратился и сам шейх Хазал. По его данным, османы перебросили через границу регулярные части с крупной партией оружия и денег. Теперь они устроили целый лагерь, в который стекались многочисленные противники Хазала. Целью этого мероприятия виделись уничтожение британских нефтяных объектов и общая дестабилизация ситуации в регионе.

Генерал Барретт не мог проигнорировать подобное, и в район города Ахваз по реке Карун были переброшены два индийских батальона с отрядом кавалерии и двумя горными пушками. Им поставили задачу разгромить османский ла-

герь и показать местным, кто в доме хозяин, но все пошло не совсем по плану. Атаковав 3 марта лагерь, англичане обнаружили, что имеют дело с окопавшимся противником, у которого есть собственная артиллерия (несколько полевых пушек). Кроме того, сразу после начала перестрелки из лагеря высыпали многочисленные арабские племенные всадники, которые начали охватывать индийские батальоны с флангов, угрожая отрезать их от реки.

В результате все закончилось отступлением под огнем, в ходе которого были потеряны обе пушки и часть обоза. Совсем не на такой результат рассчитывали британцы, хотя потери были довольно скромны – 189 человек убитыми и ранеными. Впрочем, османы эвакуировали лагерь и свои войска, посчитав, что для открытых боевых столкновений на территории Персии еще рано. Беспорядки в районе Ахваза тем не менее продолжились, и британцам еще не раз пришлось туда возвращаться.

Собственно, в Ираке после захвата Курны установилось относительное затишье. Во второй половине декабря все реки разлились, превратив Курну и Басру в острова. В конце года Барретт отправил правительству Индии просьбу о переброске в Месопотамию дополнительного подкрепления, но на несколько месяцев этот вопрос завис в воздухе. В Лондоне считали, что кампания не должна расширяться дальше, поглощая все больше и больше сил, а с февраля 1915 года там начали верить, что Османскую империю удастся поставить

на колени прорывом флота через Дарданеллы к Константинополю. Это означало, что активная кампания в Ираке потеряла смысл, а список всего, что англичане хотят получить в Месопотамии, продиктуют пушки линкоров в Мраморном море.

Правительство вице-королевства, которое все сильнее склонялось воспринимать события в Междуречье как свою собственную отдельную войну, радостно наращивало воинский контингент вокруг Басры, но увязывало этот вопрос с шедшим с самого начала кампании спором с Лондоном. В ответ на переброску индийских частей во все более расширяющийся список горячих точек правительство Британской Индии требовало от метрополии отправки им коренных английских батальонов из Европы. Это, естественно, вызывало бурную реакцию в британском Военном министерстве и Имперском генштабе, где считали, что запрашиваемым военным формированиям место на Западном фронте, а совсем не на другом конце мира. В Бомбее на это невозмутимо отвечали, что речь идет о внутренней безопасности, которую в любой момент может нарушить, скажем, мусульманский бунт. Из-за этих разногласий курсировали многочисленные телеграммы, проводились совещания и споры, но реальной помощи Барретт не получал.

Немного отклонившись от темы, заметим, что позже Дели удалось «прогнуть» Лондон и получить британские второочередные территориальные батальоны.

Начиная с февраля, османские и арабские отряды все активнее действовали на сухих участках, пытаясь подловить противника. 3 марта, в день неудачи при Ахвазе, индийский пехотно-кавалерийский разведывательный патруль попал в засаду. Арабская конница повисла на флангах, и дело закончилось очередным отходом с боем.

Опасаясь, что ситуация выйдет из-под контроля, британское правительство приказало индийскому отправить дополнительные войска. Сначала одну пехотную бригаду с гаубичной батареей (о пушках Барретт просил начиная с ноября) в марте, а затем еще две пехотные бригады с частями усиления в апреле. То, что прошлой осенью задумывалось как «малая операция», к весне превратилось в серьезную кампанию.

В период половодья новой головной болью Барретта стала перспектива прямого османского удара на Басру через разлившийся Евфрат. Кромка образовавшихся озер позволяла провести по ней многочисленные силы, в обход Курны протащив припасы на плоскодонных баржах и лодках.

Ради предотвращения подобного удара британцы решили занять деревню Шейба в пятнадцати километрах к западу от Басры. Местность вокруг Шейбы оставалась единственным сухим клочком земли на границе разлива по пути в Басру. Войска везли туда на местных лодках, так как в противном случае им пришлось бы маршировать по пояс в воде. Впрочем, лодок не хватало, и следующие батальоны именно так и шли. Не облегчали задачи и мощные песчаные бури.

Рядом с деревней построили укрепленный лагерь, который опоясывала цепь аванпостов.

Строительство укреплений в районе Шейбы отнюдь не являлось пустой тратой сил. Начиная с февраля в Насирии, выше по течению Евфрата, Сулейман Аскери активно готовился атаковать Басру именно так, как и предсказывал Барретт. В своем распоряжении из регулярных войск Аскери имел лишь сильно недоукомплектованную и в основном состоявшую из местных арабов 35-ю пехотную дивизию, проделавшую путь до Сирии и обратно через пустыню, но зато ему вполне удалось убедить почти всех вождей Южного и Центрального Ирака прислать на помощь племенные ополчения.

Пока арабы концентрировали войска в Насирии, британцы занялись реорганизацией. Так как вместе с прибывающими в апреле подкреплениями сил набиралось на две пехотные дивизии (из трех отдельных бригад и артиллерийских частей в апреле сформируют 12-ю индийскую пехотную дивизию) и кавалерийскую бригаду, было решено сформировать II индийский корпус, во главе которого с 1 апреля встал приехавший из Индии генерал Джон Никсон.

Никсон являлся одним из самых старших офицеров индийской армии, чья карьера на начало войны приближалась к завершению. Прослуживший большую часть времени в кавалерии, генерал считался решительным командиром и хорошим лидером, не ограничивающим себя военной бюрократией и склонным к неординарным решениям. Кроме то-

го, сэр Джон еще и являл собой почти образцовый экземпляр викторианского офицера – отличный игрок в поло, страстный охотник, любитель женщин и вечеринок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.